

● Рассказ

ИВАН МИУССКИЙ

Все село ждало их. В каждой семье готовили подарки сувениры, старые военные фотографии, цветы, угощения. Должны прибыть дорогие гости — Кавун Иван Макарович и его сын Миусский Иван Макарович.

В тот ранний весенний день 1943 года рота лейтенанта Кавуна Ивана Макаровича после ожесточенного боя, форсировав Миус, получила приказ закрепиться на окраине разрушенного немцами села на правом берегу реки.

Выйдя со своего КП со связным Мишей Войтовым, командир роты направился к разбитому дому, в стороне от которого находился каменный подвал с разрушенным входом и поломанной дверью. Иван Макарович услышал детский плач, доносившийся откуда-то из глубины. Позвал связиста. Быстро освободив вход от камня, осветив проход фонариком, они увидели на ступеньках убитую женщину, около нее сидел ребенок 2—3 лет. Голос его был тихий и протяжный. У Ивана Макаровича с какой-то щемящей болью забилося сердце, он передал фонарик связному, поднял ребенка на руки, и тот, вдруг перестав плакать, произнес с улыбкой: «Папа». Иван Макарович вынес мальчишку из подвала и, рассматривая его, спросил: «Кто ты?» Ребенок ответил: «Ваня». Иван Макарович увидел засохшую кровь на щеке ребенка, приказал связному разыскать медсестру роты Тасю Уткину, направил бойцов на похороны женщины, а сам медленной походкой, неся в обеих руках Ваню, пошел к берегу реки на КП. Уложив драгоценную находку на нары, Иван Макарович принялся разогревать концентрированный суп, и в это время порог переступила медсестра Тася, с которой лейтенант Кавун договорился сыграть свадьбу после освобождения небольшого городка, где родился и где проживала мать. Тася, размотав одежду, в которую был одет мальчик, со слезами на глазах сказала, что ребенок ранен. Маленький осколок, царапнув щеку, буквально отрезал мочку уха. Промыв раны и сделав перевязку ребенку, принялись кормить его. Ел он с аппетитом. Иван Макарович с Тасей начали разговаривать с мальчиком. Выяснилось, что кроме слов «папа», «мама», «Ваня», он произносить ничего не мог. Местных жи-

телей на позиции, занимаемой ротой, не было. Решили дать мальчику фамилию Миусский, поскольку он жил и жизнь его спасена около Миуса.

— Имя Ваня сам назвал, а отчество будет такое же, как у меня, — сказал командир роты.

Оставлять ребенка на передовой было невозможным. Утром Тася отправлялась в полковую санбат, забрала и Ваню.

Временно определила его у подруг при санбате.

Каждый раз, когда Тася посещала полковую санбат, а теперь командир роты чаще командировал ее туда, она привозила Ване подарки, угощения.

Арсенал произносимых слов резко увеличивался, рана на ухе зажила, хотя части уха не было. Но этот дефект ему ничуть на слух не повлиял.

О маленьком Ване стало известно командиру полка, и он потребовал немедленной отправки его в детский дом. Автомашинной, которая увозила раненых в Ростов, уехала медсестра Тася с Ваней.

Устроив в детском доме мальчика под фамилией Миусский Иван Макарович, она в делах оставила расписку, что при первой возможности мальчик будет усыновлен лейтенантом Кавуном И. М. По войне, есть война. Детдом из Ростова перевели в другой город, а потом расформировали, и дети оказались в разных городах.

Розыски, которые принимал Иван Макарович с женой Тасей, не приносили успехов.

Прошли годы. Находясь в доме отдыха на юге, полковник в отставке Кавун Иван Макарович в который раз рассказывал о пройденном боевом пути, о спасении мальчика и когда закончил, к нему подошел мужчина лет 37 — 38, сказал: «Я тот Миусский Иван Макарович. Смотрите, у меня нет части уха...» * * *

...«Едут», — крикнул кто-то из жителей села. За поворотом показалась колонна легковых автомашин, и толпа двинулась ей навстречу, устилая дорогу цветами...

И КОСЯЧЕНКО